

Панорама Африки и Ближнего Востока

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.11

Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения»

Василий Дмитриевич ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ

научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5937-8786

ЦИТИРОВАНИЕ: Останин-Головня В.Д. (2022). Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 209–221.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.11

Статья поступила в редакцию 26.03.2022.
Исправленный текст представлен 14.04.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются перспективы расширения стратегии поворота России на Восток с учетом текущих изменений системы мировой политики в контексте глобального феномена «религиозного Ренессанса» и новых факторов, вызванных украинским кризисом. Большое внимание уделяется специфике процесса «исламского пробуждения», оказавшего непосредственное влияние на формирование современного внешнеполитического курса Саудовской Аравии, Ирана и Турции, которые относятся к числу основных партнеров России на ближневосточном направлении. К вниманию предлагается авторская периодизация основных этапов «исламского пробуждения», включающая хронологические рамки 1970–1980, 1990–2000 и 2010–2020-х годов. Статья содержит описание и характеристику основных приоритетов, идейно-ценностных концепций и исламской компоненты внешней политики Эр-Рида, Анкары и Тегерана. Особое внимание

уделяется регионам и сферам, где пересекаются интересы Российской Федерации и «тяжеловесов» Ближнего Востока. В частности, рассматриваются вопросы политических процессов, направленных на формирование идентичностей и интеграционных проектов в пределах мусульманского и тюркского мира. Статья содержит постановку вопроса об осмыслении независимых республик Закавказья и Центральной Азии в качестве составной части концептуального пространства Постсоветского Востока в контексте балансировки российских интересов и приоритетов в условиях текущих изменений системы мирового порядка. По результатам проведенного анализа автор описывает преимущества и основные вызовы двустороннего взаимодействия России с Саудовской Аравией, Ираном и Турцией через призму процессов, связанных с «религиозным ренессансом», «исламским пробуждением» и формированием постсекулярного общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *поворот России на Восток, Ближний Восток, постсоветский Восток, Саудовская Аравия, Иран, Турция, мусульманский мир, «исламское пробуждение», «религиозный ренессанс», постсекуляризм.*

Концепция поворота России на Восток возникла в середине 2000-х годов в условиях постепенного ухудшения отношений с Западом и экономического подъема соседних азиатских стран. Данная стратегия предполагала интенсификацию экономического и политического взаимодействия с государствами Азии через повышение роли Зауралья и Дальневосточного региона, которые в перспективе должны были превратиться, по выражению С.А. Караганова, «из преимущественно имперского бремени ... в потенциальную территорию развития для всей страны» [Караганов, 2017].

Саммит АТЭС 2012 г. во Владивостоке принято считать отправной точкой активизации российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Майский визит В.В. Путина в Шанхай в 2014 г.¹ фактически закрепил за Китаем статус основного партнера на данном направлении. Немаловажную роль сыграл в этом украинский фактор. С одной стороны, дестабилизация Украины в 2013–2014 гг. создала множество транзитно-логистических проблем для российско-европейского товарооборота. С другой стороны, кардинально противоположные подходы Москвы и западного сообщества к событиям так называемого Евромайда-

на вызвали политический кризис. После воссоединения Крыма с Россией в марте 2014 г. санкционное давление США и ЕС стало новой константой отношений с Западом, вследствие чего актуальность поворота на Восток достигла своего пика.

Тем не менее, несмотря на постоянный рост противоречий между Москвой и западными столицами, долгое время концепции развития восточных регионов России мыслились в качестве построения хаба, который соединил бы Европу с Азией [Ма Бо, 2014, с. 83–84]. Об этом, в частности, свидетельствует подписанное 8 мая 2015 г. совместное заявление РФ и КНР «О сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути»². Комплекс мер по выполнению Минских соглашений от 12 февраля того же года³ и «нормандского формата» позволяли сохранить определенную надежду на мирное разрешение украинского кризиса и дальнейшую разрядку в отношениях с США и ЕС, что подпитывало на протяжении последних восьми лет инерцию прозападного «вхожденчества» 1990–2000-х годов. Однако события, которые последовали за вынужденным началом спецоперации России по демилитаризации Украины 24 февраля 2022 г., окончательно изобличили данный подход, фактически поставив точку в вопросе поиска баланса между западным и восточным векторами российской политики.

В условиях агрессивной изоляции со стороны Запада поворот на Восток

1 Официальный визит в Китай. Саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии // Президент России. – 2014. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/trips/21062> (дата обращения: 20.03.2022).

2 Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России. – 2015. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 20.03.2022).

3 Комплекс мер по выполнению Минских соглашений // Президент России. – 2015. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4804> (дата обращения: 20.03.2022).

стал не только самоочевидным выбором, но и объективной необходимостью для дальнейшего развития внешнеполитического курса России. Однако для успешной реализации данной стратегии на современном этапе следует учитывать два фактора. **Во-первых, Восток – это собирательное понятие, относящееся к множеству народов и культур, а не к конкретной географической области.** Геополитическое положение Российской Федерации, помимо Азиатско-Тихоокеанского региона, обязывает включать в это понятие Южную, Юго-Восточную и Центральную Азию, а также Постсоветский и Ближний Восток. Прежде всего внимание здесь должно уделяться взаимодействию с региональными «тяжеловесами». Например, на Ближнем Востоке в их числе можно выделить Иран, Турцию и Саудовскую Аравию. **Во-вторых, восточные страны обладают более сложной этноконфессиональной и идейно-ценностной спецификой, чем государства евроатлантического пространства.** Религиозный фактор оказывает весомое влияние на политические процессы Востока, и для России как страны со значительной долей мусульманского населения особую роль в этом контексте играет ислам.

«Религиозный ренессанс» в мировой политике

Начиная с 1980-х годов в научных и экспертно-аналитических кругах не прекращаются обсуждения феномена «религиозного ренессанса». Рост влияния религии на мировую политику остается крайне сложным и многофакторным процессом, который в самых общих чертах можно охарактеризовать как «секуляризацию наоборот» [Мазур, 2016, с. 204]. Дан-

ная тенденция носит объективный характер и свидетельствует о формировании так называемого постсекулярного общества в большинстве стран мира, где религия восполняет тот концептуальный вакуум, что возник в начале 1990-х годов после распада биполярной системы, ознаменовавшего конец долгой «эпохи идеологий» [Яковлев, 2013, с. 10].

На протяжении большей части XX в. религия находилась как бы на обочине основных политических процессов. В условиях геополитической конфронтации и идеологического соперничества СССР и США в мировой практике, по сути, доминировали две модели взаимодействия государства с религией. В социалистических странах, где атеизм зачастую был неотъемлемой частью идеологии, секуляризация проявлялась либо в запрете деятельности религиозных организаций, либо в полном их подчинении политической власти. Для западного блока наиболее распространенным вариантом было светское государство, в котором, опираясь на принципы свободы совести и вероисповедания, политическая власть занимала нейтральную позицию по отношению к религиозным организациям.

Такой расклад нашел отражение в 18-й статье Международного пакта «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г., в котором говорится, что *«каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии», «никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору», а любые ограничения в этой сфере допустимы лишь в соответствии с «установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основ-*

ных прав и свобод других лиц»⁴. Под этим документом подписались 168 из 193 государств – членов ООН, 25 стран не присоединились к пакту или оставили его без ратификации. При этом среди первых и вторых можно назвать более 40 стран, где на законодательном уровне закреплено привилегированное положение или государственный статус определенной конфессии.

Секуляризм в качестве политической доктрины был сформирован в контексте западной модели развития, которая, по выражению Талала Асада, предусматривает «разделение частного разума и общественного принципа» [Асад, 2020, с. 20]. Иначе говоря, в условиях светского общества религия теряет свое сакральное содержание и нивелируется до уровня «личных убеждений». Хосе Казанова в своей знаковой монографии отмечал, что ключевую роль в развитии евроамериканской социокультурной системы эпохи модерна сыграла именно секуляризация, среди элементов которой особенно выделялись [Казанова, 1994, р. 20–25]:

- трансформация социального пространства с целью исключения религии из политики, экономики, науки и прочих сфер;

- «приватизация» религиозной деятельности и культовых практик индивидом или обособленной группой верующих;

- снижение значимости религиозного мировоззрения в идейно-ценностном пространстве и религиозных институтов в социально-политической системе.

Наиболее полно данные принципы реализовались в конституционно-правовом типе государства, характер-

ном для современного Запада. С учетом того, что «религиозный ренессанс» сопровождается ломкой светской модели и формированием постсекулярного общества, этот феномен можно рассценивать в качестве одного из симптомов более масштабного явления – кризиса либерально-демократической парадигмы.

Тем не менее, если страны Запада в своей истории действительно имели длительный период секуляризации, который сформировал определенную систему ценностей и соответствующий тип государственности, то на Востоке социально-политическое развитие, несмотря на попытки колониальной вестернизации XIX–XX вв., шло иным путем, и этно-конфессиональный фактор там играл колоссальную роль на всех этапах. Конечно, определенные элементы светской модели прижились в таких восточных странах, как Индия и Япония, что было отчасти обусловлено политикой «догоняющей модернизации» [Яковлев, 2018, с. 14]. Однако, в силу культурной неоднородности Востока, говорить о какой-то общей тенденции здесь не приходится. Радикально иным образом на попытки секуляризации *изнутри* и насаждение свойственных ей ценностей через глобализационные процессы *извне* отреагировал мусульманский мир, о чем свидетельствуют не только взрыв так называемого фундаментализма в 1990–2000-х годах, но и постоянное усиление религиозного фактора во внешней политике целого ряда государств постсоветского и Ближнего Востока на современном этапе.

В контексте феномена «религиозного ренессанса» наиболее активно и

4 Международный пакт о гражданских и политических правах // ООН. – 1966. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.03.2022).

ярко проявляет себя ислам. Некоторые исследователи объясняют это с точки зрения демографии: изменения в численности основных религиозных общностей оказывают непосредственное влияние на трансформацию конфессиональной динамики [Боришполеи, 2012, с. 64]. Согласно докладом *The Pew Research Center*, в процентном соотношении среднегодовой темп роста мусульман в мире составляет 1,5% (по сравнению с совокупными 0,7% всех общин)⁵, и при сохранении таких показателей к 2050 г. мусульмане будут составлять уже не 23% (около 1,6 млрд человек), как это было в 2010 г., а 30% (примерно 2,76 млрд человек) от всего населения Земли⁶. Конечно, количественные показатели важны, но статистика скорее подтверждает значимость, а не раскрывает суть исламской компоненты «религиозного ренессанса».

«Исламское пробуждение»: содержание и этапы

«Исламское пробуждение» – достаточно широкое понятие, которое относится как к определенному спектру религиозных концепций, так и к целому ряду периодов развития мусульманской цивилизации. На современном же этапе данный термин подразумевает начавшийся в 1970-х годах процесс политизации ислама и исламизации политики вследствие неудач, сопровождавших попытки создания на Востоке светских национальных госу-

дарств по западному образцу [*Lapidus*, 2002, р. 521–523].

В контексте глобальной политики отправной точкой можно считать 1979 г.: Исламскую революцию в Иране, которая сделала религиозный фактор «очевидностью для мирового сообщества» [Яковлев, 2013, с. 11], и захват Мечети аль-Харам группой радикальных салафитов в Саудовской Аравии. Эти события заложили фундамент как межгосударственной конфронтации Эр-Рияда и Тегерана в зоне Персидского залива, так и суннито-шиитского противостояния на Ближнем Востоке.

Примечательно, что Исламская революция и теракт в Мекке хронологически совпали с началом Афганской войны 1979–1989 гг., участие в которой радикальных исламистов из разных частей мусульманского мира не только способствовало появлению «Аль-Каиды»⁷ и «Талибана»⁸, но и, по сути, определило облик современного международного терроризма. Примерно в это же время отмечается активизация деятельности «Братьев-мусульман»⁹ в Египте, Сирии и Иордании, что оказало непосредственное влияние на некоторые движения, нашедшие в религиозных концептах замену «морально устаревшему» панарабизму. Так, например, в 1987 г. в Палестине в противовес встававшему на путь отказа от вооруженной борьбы ФАТХ были сформированы ХАМАС и «Исламский джихад».

Подобная тенденция сохранялась и на протяжении всех 1990–2000-х годов. Именно в этот период, по выражению

5 The Future of the Global Muslim Population // The Pew Research Center. – 2011. – January 27. – URL: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/the-future-of-the-global-muslim-population/>, (дата обращения: 20.03.2022).

6 The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050 // The Pew Research Center. – 2015. – April 2. – URL: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (дата обращения: 20.03.2022).

7 Организация запрещена в РФ.

8 Движение запрещено в РФ.

9 Движение запрещено в РФ.

И.М. Лapidус, сформировался «широкий набор движений, как нетерпимых и замкнутых, так и плюралистических; как благосклонных к науке, так и антинаучных; как религиозных в своей основе, так и политических; как демократических, так и авторитарных; как мирных, так и воинственных» [*Lapidus*, 2002, р. 823]. Тем не менее, несмотря на разнообразие идеологического спектра, наиболее ярко, по очевидным причинам, проявляли себя радикалы. Терракты 11 сентября 2001 г., ответственность за которые Вашингтон возложил на «Аль-Каиду» и «Талибан», имели последствия поистине мирового масштаба. В истории России также было немало трагических эпизодов, связанных с подъемом религиозного экстремизма на Северном Кавказе в 1990-е годы, но в число глобальных трендов борьба с международным терроризмом вошла лишь после вторжения США в Ирак в 2003 г.

Еще одной вехой «исламского пробуждения» стали события «арабской весны» 2010-х годов, спровоцировавших череду переворотов и гражданских войн. С одной стороны, джихадизм достиг апофеоза своего развития в лице «Исламского государства»¹⁰, взявшего под контроль на пике своей экспансии к 2015 г. значительные территории в Сирии и Ираке, а также некоторые области в Африке и других регионах мира. С другой – очевидной стала опасность деятельности движений и организаций, которые отдельные страны причисляли (и причисляют до сих пор)

к «умеренным» исламистам, оставляя их без должного внимания.

Приход к власти в Египте «Братьев-мусульман» после революции 2011 г. и дальнейшая победа Мухаммеда Мурси на президентских выборах 2012 г. фактически подтвердили слова Даниэля Пайпса о том, что стратегия «исламизма 2.0», ориентированная на «работу в рамках системы» ради завоевания общественного мнения, куда опаснее террористических тактик и вооруженной борьбы экстремистов против государства¹¹. В связи с этим особый интерес вызывает тот факт, что многие активисты, возглавлявшие волнения в Тунисе и Египте, стажировались на семинарах Международного центра по ненасильственному конфликтам¹², а также занимались переводом на арабский язык и распространением знаменитого пособия «От диктатуры к демократии» за авторством идеолога «цветных революций» Джина Шарпа¹³.

По всем признакам «исламское пробуждение» следует расценивать как развивающийся процесс, который не только вписывается в логику более масштабного феномена «религиозного ренессанса», но и во многом определяет его суть. Внутри данного процесса, с учетом исторической динамики, четко выделяются три этапа:

1970–1980-е годы – актуализация исламского фактора в мировой политике через региональные процессы Ближнего Востока.

1990–2000-е годы – рост исламистского экстремизма и обостре-

10 Организация запрещена в РФ.

11 Pipes D. Lion's Den: Islamism 2.0 – an even greater threat // The Jerusalem Post. – 2009. – November 24. – URL: <https://www.jpost.com/opinion/lions-den-islamism-20-an-even-greater-threat> (дата обращения: 20.03.2022).

12 International Center on Nonviolent Conflict (ICNC).

13 Stolberg S.G. Shy U.S. Intellectual Created Playbook Used in a Revolution // The New York Times. – 2011. – February 16. – URL: https://www.nytimes.com/2011/02/17/world/middleeast/17sharp.html?_r=1&pagewanted=all (дата обращения: 20.03.2022).

ние проблемы международного терроризма.

2010–2020-е годы – возникновение «исламизма 2.0» и активное участие исламистов в «цветных революциях».

При этом важно учитывать, что специфика каждого из трех этапов продолжает воздействовать на все уровни и сферы социально-политической жизни. Однако в контексте взаимодействия России со странами Востока и, особенно, мусульманского мира наиболее важным является аспект, связанный с религиозным фактором во внутренней и внешней политике ближневосточных государств, так как он оказывает непосредственное влияние не только на региональные процессы, но и на положение этих стран в мировом сообществе.

Политический ландшафт Ближнего Востока

Большинство процессов, равно как и политические границы Ближнего Востока, во многом определяются расстановкой сил региональных «тяжеловесов», среди которых на первый план выходят Израиль, Саудовская Аравия, Турция и Иран [Политика безопасности..., 2021, с. 36]. В силу специфики еврейского государства, являющегося «форпостом западной цивилизации» [Kumar, 2014], основными претендентами на региональное лидерство считаются Эр-Рияд, Анкара и Тегеран. Каждый из этих акторов стремится к укреплению национального суверенитета и имеет собствен-

ные интересы как внутри, так и за пределами региона.

Саудовская Аравия в развитии своего внешнеполитического курса с конца 1970-х годов начала опираться на два вектора: *региональный* (позиционирование себя в качестве лидера арабского Востока и гегемона в зоне Персидского залива) и *общемусульманский* (укрепление имиджа «родины ислама» и главного защитника исламских ценностей в мире) [Останин-Головня, 2019, с. 105–107]. В рамках первого направления Эр-Рияд активно развивает двустороннее экономическое сотрудничество с соседями, выступая, в зависимости от состояния экономики второй стороны, как донор или партнер, укрепляет свои позиции в ССАГПЗ и ОПЕК, а также противостоит угрозам национальной безопасности в составе таких объединений, как «Щит полуострова»¹⁴, «Арабская коалиция»¹⁵ и ИВАК¹⁶. На общемусульманском векторе Саудовская Аравия действует через ОИС, религиозные фонды и дружественные политические силы зарубежных стран, используя при этом как экономическое влияние, так и инструменты «мягкой силы». Несмотря на декларируемый принцип «всеобщей исламской солидарности», Эр-Рияд стремится к формированию суннитского блока в противовес «шиитской солидарности» проиранских сил, так как королевство со своими союзниками видит политику Исламской Республики в «экспансионистском ключе» [Беренкова, 2017]. Вместе с тем важно отметить, что основные интересы Са-

14 В рамках ССАГПЗ.

15 Коалиционные силы арабских стран во главе с Саудовской Аравией, принимающие участие в гражданской войне в Йемене на стороне Абда Раббо Мансура Хади.

16 Исламская военная антитеррористическая коалиция (осн. в 2015 г.).

удовской Аравии сосредоточены на Ближнем Востоке, Африке, Южной и

Юго-Восточной Азии, о чем, в частности, свидетельствует состав ИВАК¹⁷.

Таблица 1. Состав исламской военной антитеррористической коалиции
Table 1. Islamic Military Counter Terrorism Coalition member states

Регион	Страны	Количество стран
Ближний и Средний Восток	Афганистан, Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Оман, Пакистан, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Сомали, Судан, Тунис, Турция, ОАЭ, Йемен	21 (50%)
Африка	Бенин, Буркина-Фасо, Чад, Коморы, Кот-д'Ивуар, Габон, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Бисау, Мальдивы, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того, Уганда	17 (≈40%)
Южная и Юго-Восточная Азия	Бангладеш, Бруней, Малайзия, Пакистан	4 (≈10%)

Иран в 1979–1989 гг. действительно придерживался доктрины экспорта Исламской революции. При жизни имама Хомейни установление аналогичных шиитских режимов расценивалось как необходимое условие для сохранения новой власти, но после его смерти внешняя политика Тегерана заметно смягчилась. Основой внешнеполитического курса ИРИ стала концепция «Ни Восток, ни Запад», которая предполагает обеспечение полной независимости государства и пресечение любого иностранного вмешательства во внутренние дела [Манучихри, 2007, с. 181]. Такой подход, наряду с принципами «защиты прав всех мусульман» и «поддержки справедливой борьбы угнетенных против угнетателей во всем мире», закреплен в статьях 152–155 Консти-

туции Исламской Республики¹⁸. После иракского кризиса 1990–2000-х годов Иран окончательно перешел от непосредственного «экспорта революции» к финансовой и политической поддержке шиитских и дружественных сил, что доказывают примеры Сирии, Ирака, Палестины (ХАМАС), Ливана («Хизбалла» и «Амаль») и Йемена («Ансар Аллах»). При этом, находясь в длительной конфронтации с Саудовской Аравией и под санкционным давлением США, Тегеран стремится компенсировать издержки за счет активизации своей политики в Центральной Азии, Закавказье и Каспийском регионе [Манучихри, 2007, с. 190–192]. В целом же принципиальная идейная ориентация Ирана в практической политике на современном этапе сосредоточена на формировании и под-

17 Member Countries // Islamic Military Counter Terrorism Coalition. – 2022. – URL: <https://www.imctc.org/en/AboutUs/Member-Countries/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.03.2022).

18 Iran (Islamic Republic of)'s Constitution of 1979 with Amendments through 1989 // Comparative Constitutions Project. – n/y. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iran_1989.pdf?lang=en (дата обращения: 20.03.2022).

держании разветвленной сети «шиитской солидарности».

Турция также ведет проактивную политику на нескольких направлениях. Основные принципы современного внешнеполитического курса начали формироваться с момента прихода к власти Партии справедливости и развития. В первый год нахождения на посту главы МИД Ахмет Давутоглу заявил, что Анкара не будет ограничиваться реализацией какой-то одной идеи: *«Османская империя является частью нашей истории; ислам – одним из элементов нашей культуры; западноевропейская ориентация – историческим опытом, а тюркизм – направлением нашего движения»*¹⁹. После этого в научном и политическом дискурсе стали обсуждать негласную доктрину «неосманизма», но, как отметил В.А. Аватков, на современном этапе корректнее говорить об идеологии «хаба», прообразом которой был принцип «ноль проблем с соседями», озвученный всё тем же А. Давутоглу [Аватков, 2021b, с. 9]. Само географическое положение Турции диктует логику создания транзитного узла по линиям Север – Юг и Запад – Восток, что обуславливает попытки объединения постосманского, тюркского и исламского пространства. Все эти три направления тесно переплетены между собой, что не позволяет четко разграничить в турецкой идейной платформе стремление к лидерству в регионе и мусульманском мире. При этом турецкое руководство активно использует инструменты как «жесткой», так и «мягкой силы». Если в соседних Сирии и Ираке, на севере которых находят-

ся области традиционного проживания курдов, политика Анкары в основном проводится силовыми методами²⁰, то в республиках Средней Азии, Закавказья и среди тюркских народов России приоритетом является так называемая туркоцентричная интеграция [Аватков, 2021a, с. 167], направленная прежде всего на культивирование протурецких взглядов среди молодежи и части элит на постсоветском пространстве.

Очевидно, что «исламское пробуждение» оставило мощный след на политическом ландшафте Ближнего Востока, активизировав религиозную компоненту в политике ведущих государств региона. В силу медианного географического положения, обеспечивающего выход ко многим частям евразийского и африканского пространств по векторам Север – Юг и Запад – Восток, Саудовская Аравия, Иран и Турция продвигают свои интересы сразу на нескольких направлениях, которые зачастую граничат с традиционными сферами политики России: Центральная Азия, Закавказье, Черноморский и Прикаспийский регионы. При этом Эр-Рияд, Тегеран и Анкара транслируют три различные модели развития исламского общества, что обуславливает соперничество за лидерство не только на Ближнем Востоке, но и в мусульманском мире.

* * *

Включение ближневосточного пространства в стратегию поворота России на Восток на современном этапе предполагает выстраивание прочных взаимовыгодных, обеспечивающих

19 Batur N. Yeni Osmanlılar sözü iyi niyetli değil // Sabah. – 2009. – December 4. – URL: https://www.sabah.com.tr/siyaset/2009/12/04/yeni_osmanlilar_sozu_yi_niyetli_degil (дата обращения: 20.03.2022).

20 Военное присутствие в Ираке с 2015 г. и череда военных операций («Щит Евфрата» в 2016–2017 гг., «Оливковая ветвь» в 2018 г. и «Источник мира» в 2019 г.) в Сирии.

национально-государственные интересы РФ в отношениях с Саудовской Аравией, Ираном и Турцией. Предпосылки для продуктивного взаимодействия с каждой из этих стран сегодня у России имеются. Здесь можно вспомнить кооперацию с Эр-Риядом в нефтегазовой отрасли в рамках ОПЕК+ после «ценовых войн» 2020 г., астанинский формат сирийского урегулирования, созданный по совместной инициативе с Анкарой и Тегераном и т.д. Однако при обсуждении конкретных сфер сотрудничества с «тяжеловесами» Ближнего Востока зачастую вне поля зрения остаются религиозные и идейно-ценностные аспекты.

Глава МИД России С.В. Лавров совершенно верно заметил, что «конкуренция всё больше приобретает цивилизационное измерение, форму соперничества ценностей и моделей развития» [Лавров, 2017, с. 467]. С учетом процессов, связанных с «религиозным ренессансом», «исламским пробуждением» и формированием постсекулярного общества, эти слова обретают особую актуальность. Россия, будучи многонациональным и многоконфессиональным государством, должна учитывать, что целые регионы страны через призму внешнеполитических концептов Саудовской Аравии, Турции, Ирана и ряда других акторов воспринимаются в качестве органических составных частей мусульманского и/или тюркского мира. То же касается и независимых республик Закавказья и Центральной Азии, которые должны быть осмыслены в качестве части такого концептуального пространства, как Постсоветский Восток, с целью дальнейшей балансировки российских интересов и приоритетов в условиях текущих изменений системы миропорядка.

В долгосрочном стратегическом планировании выстраивания отношений с ведущими государствами Ближнего Востока и мусульманского мира также важно не допускать «вхожденчества», аналогичного прозападной ориентации 1990–2000-х годов. Причем речь здесь идет не столько об экономической интеграции, сколько об идейно-ценностном проникновении Востока на российскую «почву». Выстраивание идентичностей, противоречащих государственным границам, в духе современного пантюркизма, «шиитской» или «суннитской солидарности» непременно будут вести к «разбалансированию межнациональных и межконфессиональных отношений» внутри России [Примаков, 2011, с. 173–176], обо всех опасностях которого в контексте глобального феномена «исламского пробуждения» Е.М. Примаков писал еще в 2011 г.

Список литературы

Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021а. – Т. 14. – № 5. – С. 162–176. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8.

Аватков В.А. Турецкая идеология «хаба» // Восточный альманах. – 2021b. – С. 8–13. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46636513_34474465.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 376 с.

Беренкова Н.А. Бахрейн и региональная шиитская солидарность // Российский совет по международным делам. – 2017. – URL: <https://russiancouncil.ru>

ru/analytics-and-comments/analytics/bakhreyn-i-regionalnaya-shiitskaya-solidarnost/ (дата обращения: 20.03.2022).

Боришполец К.П. Религиозный фактор в международных отношениях: амальгама ценностей, интересов и политических приоритетов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2012. – № 3. – С. 63–67.

Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. – 2017. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/> (дата обращения: 20.03.2022).

Лавров С.В. Мы – вежливые люди! Размышления о внешней политике. – Москва : Книжный мир, 2017. – 544 с.

Ма Бо. Стратегия России «Поворот на Восток»: возможности и вызовы для сопряжения с китайскими трансрегиональными проектами // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 82–97. – DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-82-97.

Мазур С.О. Феномен «религиозного возрождения» глобализирующихся обществ в ракурсе социально-философских исследований // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2016. – Вып. 15. – С. 203–209.

Манучихри А. Политическая система Ирана. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2007. – 240 с.

Останин-Головня В.Д. Саудовская Аравия и региональная суннитская солидарность // Сборник по итогам

III международного конкурса студенческих научно-аналитических работ по ближневосточной проблематике им. Е.М. Примакова. – 2019. – С. 104–114.

Политика безопасности стран современного Востока / Под ред. Д.В. Стрельцова. – Москва : Аспект Пресс, 2021. – 280 с.

Примаков Е.М. Мысли вслух. – Москва : Российская газета, 2011. – 207 с.

Яковлев А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 4. – С. 4–38.

Яковлев А.И. Цивилизационное измерение мировой политики: проблемы и возможности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. – № 4. – С. 6–29. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-6-29.

Casanova J. Public Religions in the Modern World. – Chicago : University of Chicago Press, 1994. – 340 p.

Kumar C. Herzl's Vision Realized: Israel as "Outpost of Western Civilisation in Asia" // The Palestine Chronicle. – 2014. – URL: <https://www.palestinechronicle.com/herzls-vision-realized-israel-as-outpost-of-western-civilisation-in-asia/> (дата обращения: 20.03.2022).

Lapidus I.M. A History of Islamic societies. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 1002 p.

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.11

Pivot to the Middle East: the Factor of the “Islamic Awakening”

Vasily D. OSTANIN-GOLOVNYA

Researcher, Department of Middle and Post-Soviet East
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
(INION RAN), 117418, 51/21 Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, Russian Federation
E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5937-8786

CITATION: Ostanin-Golovnya V.D. (2022). Pivot to the Middle East: the Factor of the “Islamic Awakening”. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 209–221. (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.11

Received: 26.03.2022.

Revised: 14.04.2022.

ABSTRACT. *The article discusses the prospects for expanding the strategy of Russia's turn to the East, taking into account the current changes in the system of the world politics in the context of the global phenomenon of “religious renaissance” and new factors caused by the Ukrainian crisis. Particular attention is paid to the specifics of the process of “Islamic awakening”, which had a direct impact on the formation of the modern foreign policy course of Saudi Arabia, Iran and Turkey, which are among Russia's main partners in the Middle East. The author's periodization of the main stages of the “Islamic awakening” is offered for attention, including the chronological framework of the 1970s – 1980s, 1990s – 2000s and 2010s – 2020s. The article contains a description and characterization of the main priorities, ideological and value concepts and the Islamic components of Riyadh's foreign policy, Ankara and Tehran. Particular attention is paid to the regions and areas where the interests of the Russian Federation and the “heavy-*

weights” of the Middle East intersect. In particular, the issues of political processes aimed at the formation of identities and integration projects within the “Muslim” and “Turkic world” are considered. The article raises the question of understanding the independent republics of Transcaucasia and Central Asia as an integral part of the conceptual space of the Post-Soviet East in the context of balancing Russian interests and priorities in the context of current changes in the world order system. Based on the results of the analysis, the author describes the advantages and main challenges of Russia's bilateral cooperation with Saudi Arabia, Iran and Turkey through the prism of the processes associated with the “religious renaissance”, “Islamic awakening” and the formation of a post-secular society.

KEYWORDS: *Russia's Pivot to the East, Middle East, Post-Soviet East, Saudi Arabia, Iran, Turkey, Muslim world, “Islamic awakening”, “Religious renaissance”, Post-secularism.*

References

- Avatkov V.A. (2021a). The Post-Soviet Space and Turkey: The Results of 30 Years. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 5, pp. 162–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8 (in Russian).
- Avatkov V.A. (2021b). Turkish “Hub” Ideology. *Oriental Almanac*, pp. 8–13 (in Russian).
- Asad T. (2020). *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 376 pp. (in Russian).
- Berenkova N.A. (2017). Bahrain and Regional Shiite Solidarity. *Russian International Affairs Council*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bakhreyn-i-regionalnaya-shiitskaya-solidarnost/>, accessed 20.03.2022 (in Russian).
- Borishpolets K.P. (2012). Religious Factor in International Relations: Amalgam of Values, Interests and Political Priorities. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 3, pp. 63–67 (in Russian).
- Casanova J. (1994). *Public Religions in the Modern World*, Chicago: University of Chicago Press, 340 pp.
- Karaganov S.A. (2017). From Pivot to East to Greater Eurasia. *Russia in Global Affairs*, available at: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/>, accessed 20.03.2022 (in Russian).
- Kumar C. (2014). Herzl’s Vision Realized: Israel as “Outpost of Western Civilisation in Asia”. *The Palestine Chronicle*, available at: <https://www.palestinechronicle.com/herzls-vision-realized-israel-as-outpost-of-western-civilisation-in-asia/>, accessed 20.03.2022.
- Lapidus I.M. (2002). *A History of Islamic societies*, Cambridge: Cambridge University Press, 1002 pp.
- Lavrov S.V. (2017). *We Are Polite People! Reflections on Foreign Policy*, Moscow: Knizhnyj mir, 544 pp. (in Russian).
- Ma Bo (2017). Russian «Pivot to the East» Strategy: Opportunities and Challenges for Coupling with Chinese Transregional Projects. *Comparative Politics*, vol. 8, no. 2, pp. 82–97. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-82-97 (in Russian).
- Manuchihri A. (2007). *The Political System of Iran*, St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 240 pp. (in Russian).
- Mazur S.O. (2016). The Phenomenon of «Religious Revival» Globalizing Societies in the View of Socio-Philosophical Researches. *Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education*, no. 15, pp. 203–209 (in Russian).
- Ostanin-Golovnya V.D. (2019). Saudi Arabia and Regional Sunni Solidarity. *Collection of the III Primakov International Competition of Student Scientific and Analytical Works on the Middle East*, pp. 104–114 (in Russian).
- Politika bezopasnosti... (2021). Streltsov D.V. (ed.). *Security Policy of the Countries of the Modern East*. Moscow: Aspect Press, 208 pp. (in Russian).
- Primakov E.M. (2011). *Thoughts aloud*. Moscow: Rossiyskaya Gazeta, 207 pp. (in Russian).
- Yakovlev A.I. (2013). Religious Factor in World Politics at the Age of Globalization: From Secularization to Fundamentalism. *Moscow University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*, no. 5, pp. 4–38 (in Russian).